

DOI 10.18522/2415-8852-2026-1-234-245

УДК 821.133.1

**ФОРМЫ CONDITIONNEL
В НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ
РОМАНА Б. ЖИРО “VIVRE VITE” (2022)**

Шуринова Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

e-mail: interjectio@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6704-2868

Аннотация. Статья посвящена языковой игре в автобиографическом романе Б. Жиро “Vivre Vite” (2022). Одним из ключевых конструктивных элементов текста, обращенного к травматическому событию давнего прошлого, видится обыгрывание форм conditionnel, условного наклонения во французском языке. Языковая игра, реализованная в романе, рассматривается как психотерапевтический инструмент и как средство экспликации экзистенциально-философских аспектов, связанных с проживанием болезненного опыта. Мы обращаем внимание на особенности функционирования в тексте Жиро союза “si” («если бы»), который автор делает заглавием центральной части романа, использует для формирования названий отдельных глав, а также интегрирует в текстовую ткань для воплощения игровых стратегий. Блок “Si” последовательно реконструирует обстоятельства аварии, унесшей жизнь мужа писательницы, и здесь с помощью форм условного наклонения автор размышляет о возможных условиях, при которых трагедии можно было бы избежать, но вместе с тем кропотливо восстанавливает послужившие причиной инцидента случайные переплетения событий, подчеркивает иррациональную природу бытия и тотальную невозможность выстраивания рациональных прогнозов. Повторное проживание травмы посредством создания текста позволяет главной героине романа пройти через пограничную ситуацию, остановив поиск рациональных иллюзий, принять в итоге абсурдность

собственной жизни, что подчеркивается отказом от использования форм условного наклонения. Союз “si”, возникающий в разных контекстах, акцентирует движение героини от болезненной одержимости травматическим опытом прошлого к восстановлению смысла собственной жизни и будущему.

Ключевые слова: травма, пограничная ситуация, Брижит Жиро, абсурд, автобиографический роман, нарративная структура, текстовая психотерапия, горевание, условное наклонение

В центре нашего внимания – автобиографический роман французской писательницы Б. Жиро «Жить быстро» (“Vivre vite”), получивший в 2022 г. Гонкуровскую премию. Прежде всего, конечно, это текст психотерапевтический, рассказывающий о проживании личной трагедии. Клод, муж писательницы, погиб в 1999 г., попав в аварию на мотоцикле. Жиро вновь обращается к этому событию, переосмысляя собственные переживания. К. Котовска, рассматривая роман с психоаналитической точки зрения, замечает, что Жиро показывает одновременно универсальный процесс горевания и индивидуальное освобождение через психологический катарсис [Kotowska].

Но, помимо этого, роман представляет собой исследование самого события как такового и причинно-следственных связей, спровоцировавших его. М.И. Салама утверждает, что средствами текста Жиро реконструирует каузальные модели, которые в итоге привели к трагическому инциденту: «Этот рассказ <...> выстроен вокруг рефлексии о цене личного выбора и случайностях» [Salama: 218].

Вместе с тем роман Жиро представляет собой автофикциональный текст, сочетающий в себе факты и вымысел, стирая тем самым границу между прожитым опытом и литературными экспериментами. В основе романа – реальные факты, однако конкретные описания автора «основаны на до-

пущениях, поскольку она погрузилась в мир воображения» [Nejadmohammad: 112].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет собой лингвистический аспект романа. Н.Н. Макаренко и Н.Е. Науменко в своей работе, посвященной феномену аномальной концептуализации в литературном тексте, замечают, что Жиро использует в своем произведении контрфактуальные лингвистические структуры. В романе «доминирует особая модель условного предложения с инвертированной причинно-следственной связью, воссоздающая альтернативную реальность, в которой существуют герои романа» [Макаренко, Науменко: 12–13].

Как представляется, именно при помощи языковой игры Жиро и показывает в своем романе горевание. Кроме того, языковой эксперимент позволяет писательнице исследовать личную трагедию в экзистенциальной оптике, подчеркнуть иррациональность бытия, обреченность человека быть зависимым от переплетения случайных факторов.

Заметим, что роман «Жить быстро» посвящен событию, от которого автора отделяет 23 года, однако детали, связанные с ним, реконструируются очень кропотливо и подробно, и это видится симптоматичным, ведь, согласно К. Карут, травма – не столько сам опыт, сколько то, как этот опыт, «не будучи сознательно ассимилированным, возвращается, чтобы преследовать человека и дальше» [Caruth: 4].

При этом многие исследователи сходятся на том, что связно артикулировать рассказ о травматическом опыте в принципе невозможно: об этом говорят и К. Карут [Caruth], и Ш. Фелман [Felman, Laub], и многие другие. Э. Уайтхед рассматривает рассказ о травме как отраженную через форму текста болезненность возвращения опыта: это повторение, которое «имитирует последствия травмы, поскольку предполагает настойчивое возвращение к событию, отсюда и вытекают нарушения в хронологии, логике развития повествования» [Whitehead: 86].

Текстуальными инструментами Жиро прописывает симптомы травмы, создавая особую травмированную рассказчицу, проявляющую патологическую концентрацию на произошедшем. С одной стороны, она стремится к соблюдению предельной, почти маниакальной точности, восстанавливая в деталях все связанное с аварией: «Было шестнадцать часов, и Клоду нужно было еще сделать этот крюк, прежде чем отправиться за сыном в школу. Это заняло у него несколько минут, “Société Générale” располагалось на идущей перпендикулярно улице, въезд туда, конечно, был запрещен, но только в пределах трехсот метров. Я только что проверила»¹ [Giraud: 159–160].

Но нередко при нехватке информации она додумывает неизвестные подробности, рас-

сказ о последней поездке Клода – результат воображения: «Клод ехал, можно сказать, как обычно, лавируя между автомобилями, как всегда делают мотоциклисты, которые терпеть не могут оставаться позади, которых сама мысль о том, чтобы следовать за каким-то автомобилем, приводит в бешенство» [Giraud: 168].

Вместе с тем несомненно, что роман повествует не только о личном опыте, рассказ о травме разворачивается в русле философской экзистенциальной рефлексии. В начале романа героиня рассуждает о потребности к погружению в исследование связей между событиями и фактами, которая возникает именно после какой-то катастрофы: «Когда катастрофы не происходит, мы идем, не оборачиваясь, мы смотрим прямо перед собой на линию горизонта» [Giraud: 23]. Но драматическое событие все меняет, после него человек начинает хотеть понять, как устроена жизнь, смысл того, что с ним случилось, но понять это невозможно: «Будь мы социологами, полицейскими или писателями, мы не знаем больше того, что нам отведено, мы все мечемся в бреду, мы хотим знать, как именно становимся цифрой в статистической сводке, запятой в большом Всём. Хотя сами мы считали себя уникальными и бессмертными» [Giraud: 23].

¹ Здесь и далее перевод наш – Н. Ш.

Очевидно, что данные размышления близки концепции пограничной ситуации К. Ясперса, ситуации «крушения» (столкновения со смертью или опасностью для жизни, различными тяжелыми испытаниями), которая заставляет переосмыслить собственное бытие, может спровоцировать невроз, но может привести к духовному прозрению: «Решающее значение для человека имеет то, каким образом он испытывает эту ситуацию крушения: <...> хватается ли он за иллюзорные решения и успокоения, или же честно хранит молчание перед тем, что не поддается объяснению» [Ясперс: 24–25].

Главной особенностью нарратива, выстроенного Жиро, становится специфическое использование условного наклонения, участвующее в сюжетостроении, позволяющее автору при помощи языковой игры исследовать психологию травмы и возможности ее исцеления, акцентировать внимание читателя на экзистенциальных аспектах опыта утраты.

Композиционно роман разделен на предисловие, основную часть, озаглавленную словом “si” («если бы»), и послесловие. Основная часть содержит в себе 23 отдельных главы, названия которых также начинаются с “si”. Эти формулировки перечисляются и в предисловии: «Если бы я не захотела продать квартиру. Если бы я не упорствовала в стремлении посетить этот дом. Если бы мой дед не покончил с собой в тот момент,

когда мы нуждались в деньгах. Если бы мы не получили заранее ключи от дома. <...> Я возвращаюсь к перечню “если бы”, которым была одержима все эти годы. И который заставил меня существовать в реальности условного наклонения» [Giraud: 21–23].

С одной стороны, многочисленные “si” необходимы для того, чтобы реконструировать обстоятельства, смоделировать условия, при которых судьба Клода была бы иной. С другой стороны, повторяющееся употребление “si” – это и симптом травмированности, рассказчица подчеркивает таким приемом невозможность перестать мысленно возвращаться к трагедии, пытаться при помощи условного наклонения «переписать» прошлое. Таким образом, в качестве художественного инструмента предложения с этим союзом оказываются связанными и с рефлексией о катастрофе, и с возможностью восстановления цельности «Я».

Подчеркнем, что употребление условного наклонения в романе с лингвистической точки зрения своеобразно. Условные придаточные предложения с союзом “si” существуют в тексте как бы сами по себе, главное предложение не формулируется в принципе: “*Si je n'avais pas voulu vendre l'appartement. Si je ne m'étais pas entêtée à visiter cette maison. Si mon grand-père ne s'était pas suicidé au moment où nous avions besoin d'argent...*” [Giraud: 21]. И именно такие редуцированные конструкции становятся названиями глав, разбира-

ющих в подробностях каждое из условий. Макаренко и Науменко утверждают, что главное предложение, где говорилось бы о возможном консеквенте, подразумевается рассказчицей даже не в условном прошедшем (*conditionnel passé*), а в условном настоящем (*conditionnel présent*): «Единственным консеквентом всех условий у автора должен быть один – тот, который задуман в настоящем времени *conditionnel présent* и может быть выражен следующим предложением: “Клод был бы сейчас жив” (*Claude serait aujourd’hui vivant*)» [Макаренко, Науменко: 23]. Можно добавить, что это подразумевает и потенциально неисчерпаемое множество упущенных возможностей, вариантов того, каким могло бы быть настоящее.

Важно и то, что сама последовательность причин и следствий рассматривается в обратном направлении, рассказчица осуществляет «ретропрогноз». Главным и самым первым условием героиня считает свое желание купить новый дом. В доме был гараж, куда ее брат поместил свой мотоцикл, на котором Клод и разбился. Макаренко и Науменко замечают, что по сюжету покупка дома имела множество разных следствий, но важной стала именно в контексте цепи событий, в совокупности приведших к аварии. Героиня словно пытается ретроспективно постичь неумолимую логику абсурда; сделать подобный прогноз без нарушения перспективы совершенно невозможно, предлагаемые объяс-

нения с точки зрения рационального мышления носят аномальный характер: «В ходе всего повествования автор ретроспективно маркирует все этапы, которые могли бы запустить другое соотношение <...>, и она ищет эту посылку, разворачивая временной континуум в обратном направлении» [Макаренко, Науменко: 23].

Поиск отражается и в особенностях построения нарратива на уровне отдельных глав. Главы из блока “Si” выстраиваются как объяснения того, почему конкретное условие не было реализовано, главным образом повествование ведется в изъявительном наклонении. Рассказчица говорит о том, что произошло: почему она хотела купить дом, как хотела заполучить именно дом Мерсье, который хозяева изначально вообще не хотели продавать и т. д. Однако рассказ оказывается болезненным, и в определенный момент в тексте возникают отступления. Рассказчица отчаянно хочет исправить ход событий, сопротивляясь написанию текста. По сути, роман разворачивает перед читателем процесс терапии травмы через ее повторное проживание через письмо. Неслучайно, что эпиграфом Жиро выбирает цитату из Патрика Отрео: «Писать – значит позволить отвести себя в то место, которого хотелось бы избежать» [Giraud: 9].

При этом отступления, допускаемые рассказчицей, имеют различный характер. Некоторые наполнены сожалением и чувством

вины, нередко вновь используются условное наклонение и побудительные предложения: «Мне было бы достаточно (*il m'aurait suffi*) просто погрузиться в сон, отказаться не отказываться от этого дома. Еще было время все остановить. Мне было достаточно ничего не делать. Просто ничего не делать. Даже пальцем не шевели (*Ne bouge pas le petit doigt*). Самая простая инструкция в моей жизни» [Giraud: 51]. Но порой в этих ремарках ясно звучит тема рока, неотвратимости судьбы: «Когда я пишу эти строки, я думаю, что это было влияние дьявола» [Giraud: 48].

Заметим, что, анализируя обстоятельства аварии, Жиро реконструирует множество самых разных окружающих ее контекстов, показывает сложные и неуловимые переплетения между событиями, культурными тенденциями, социально-экономическими и психологическими факторами. Так, покупка дома представлена типичной буржуазной фантазией о счастливой жизни молодой семьи. Примечательно, что у героев на тот момент уже было собственное жилье, но героине это не казалось удовлетворительным: хотелось достичь новой степени благополучия, «подняться на еще одну ступеньку в уровне крутости (*coolitude*)» [Giraud: 33]. Предоставить младшему брату гараж пришлось из-за того, что о покупке дома с гаражом узнала мать героини: «Быть матерью – значит обеспечивать справедливость, следить за тем, чтобы Брижит не съела больше картофе-

ного пюре, чем Давид. За тем, чтобы Брижит, как старшая, одалживала свои вещи Давиду» [Giraud: 65–66]. Отдельная глава посвящена самому мотоциклу – японской модели Honda 900 CBR FireBlade, которую впоследствии сочли достаточно опасной и классифицировали как исключительно спортивную, но в 1999 европейцы ездили по дорогам на этих мотоциклах, импортируемых из Японии.

В романе восстанавливается череда трагических случайностей, композиция в большей степени созвучна трагедийной логике: заранее зная финал, вместе с героиней мы движемся к катастрофическому исходу. Примечательно, что чем ближе рассказчица подходит к нему, тем больше автобиографический роман насыщается фикциональными компонентами, в тексте становится все больше допущений и отступлений, несмотря на апелляции к картам и справочникам. Рассказчица пытается реконструировать последние часы жизни Клода, но теряется в догадках, на самом деле она не знает, о чем он думал, что видел и слышал, почему вообще решил взять мотоцикл Давида. Очевидно, что фантазии и использование условного наклонения для героини – способ найти в пограничной ситуации то самое «иллюзорное успокоительное решение», о котором рассуждал Ясперс.

Однако по мере продвижения к финалу условия, о которых размышляет героиня, становятся все более и более иррациональными. Так, одна из глав называется «Если бы Сти-

вен Кинг умер в субботу 19 июня 1999 года» [Giraud: 131]. Клод попал в аварию 22 июня, и героиня долго искала событие международного масштаба, которое могло бы удерживать ее мужа от решения сесть на опасный мотоцикл. В конце концов она узнала о том, что за пару дней до этого знаменитый автор романов ужасов Стивен Кинг был сбит минивэном, получил тяжелые ранения, но остался жив. Если бы Кинг тогда погиб, резонанс был бы гораздо более мощным, и Клод, возможно, был бы достаточно впечатлен, чтобы не рисковать. Здесь интонация рассказчицы звучит иронически, она с горьким сарказмом смотрит на собственную травмированность и маниакальные поиски возможностей: «... я думаю, что злилась на Стивена Кинга за то, что сам он избежал смерти и ничего не сделал для меня» [Giraud: 137].

В главе «Если бы не загорелся красный», где рассказывается о самой аварии, повествование максимально замедляется, несмотря на то что на самом деле все произошло очень быстро. Рассказчица не спешит проговаривать правду, погружаясь в «реальность условного наклонения»: «Я откладываю момент, когда придется завершить путь Клода, позволить зажечься красному сигналу светофора перед музеем Гиме <...> Я не решаюсь позволить сигналу стать красным, потому что если бы он оставался зеленым (*s'il était resté vert*) еще секунду, Клод беспрепятственно продолжил бы свой путь и, несомненно,

продолжил бы жить (*aurait poursuivi sa route sans obstacle, et sans doute aussi son existence*), и мы бы ничего не узнали (*n'aurions rien su*) об этом дне, который был бы таким же, как все остальные (*aurait été comme les autres*)...» [Giraud: 170–171].

Непосредственно перед моментом аварии мы вновь видим серию придаточных условия, начинающихся с союза «*si*». Теперь их гораздо больше, и внимание концентрируется уже на том, что все они представляют собой отрицательные формулировки («если бы некое событие не произошло»): «Если бы я поехала в Париж не во вторник 22 июня (*Si je n'étais pas allé à Paris le mardi 22 juin*), а в пятницу 18, как и было запланировано. Если бы у моего брата не было проблем с гаражом (*n'avait pas été en panne de garage*). Если бы Мерсье не уступили (*n'avaient pas cédé*) моему желанию купить их дом» [Giraud: 180]. Полный перечень в печатном издании занимает почти целую страницу. В финале этого отрывка рассказчица многократно повторяет отрицательную частицу «*pas*»: «*Pas, pas, pas, pas, pas, pas, pas*» [Giraud: 180]. Нагромождение конструкций словно рушится под собственным весом: попытка отменить произошедшее ни к чему не приводит, та реальность, где жизнь продолжается, так или иначе берет свое. Это можно сравнить с тем, как З. Фрейд описывал в работе «Печаль и меланхолия» естественное проживание утраты: «По поводу каждого отдельного воспоминания и ожидания, в ко-

тором проявляется привязанность либидо к потерянному объекту, реальность выносит свой приговор, что объект этот больше не существует, и “Я”, как бы поставленное перед вопросом – хочет ли оно разделить ту же участь, <...> вынуждено согласиться на то, чтобы разорвать свою связь с погибшим объектом» [Фрейд: 227].

При этом в итоге героиня смиряется не только со смертью Клода, пограничная ситуация приводит ее к принятию иррациональности жизни как таковой, хайдеггеровской заброшенности человека в мир, понимаемой как непостижимость бытия, невозможность полного контроля над условиями существования [Хайдеггер]. Это принятие маркируется в тексте романа отказом от условного наклонения и попыток рационализации: «Нечего понимать, каждый играет свою роль. Каждый на своем абсолютно законном месте в городе: врач, нотариус, учитель, пожарный, библиотекарь, банкир, священник. Это и называется обществом. Все отлично смазано. Все работает хорошо. Или плохо – к лучшему или к худшему. Журналист, сотрудник похоронного бюро, писатель. Нет никаких “если бы” (*Il n’y a pas de si*)» [Giraud: 194].

Заметим, что само название романа подразумевает возможность экзистенциальной

трактовки. Оно частично повторяет культовую фразу “Live fast, die young”; в романе Жиро она связывается с лирикой американского рок-музыканта Лу Рида, которую читал Клод накануне аварии, хотя на самом деле считается, что конкретного автора у нее нет. Эту фразу произносит герой фильма «Стучись в любую дверь» (“Knock on any door”, 1949); там она звучит как “Live fast, die young, leave a good-looking corpse”¹, но это не было первым случаем ее употребления. Формула воспринимается как культурный миф XX в., ассоциируемый с рок-музыкой, жизненной философией молодых людей. Это призыв жить насыщенной жизнью, наполненной сильными ощущениями, презирать рутину, отдавать предпочтение интенсивности жизни, а не ее продолжительности. Героиня романа считает, что именно эта философия в какой-то степени подтолкнула Клода позаимствовать опасный мотоцикл ее брата, хотя у него самого был свой «безобидный Suzuki».

Однако в названии Жиро оставляет только часть знаменитой формулы, в экзистенциальной перспективе оно воспринимается как указание на скоротечность жизни, конечность и ограниченность человеческого существования: мы живем слишком быстро, чтобы успеть хоть что-то понять в окружаю-

¹ Живи быстро, умри молодым, оставь после себя красивый труп.

щем нас хаосе, наша жизнь хрупка и может в любой момент оборваться.

Экзистенциальная рефлексия и повторное проживание травмы позволяют героине осуществить пересборку собственной жизни, цельность которой была разрушена катастрофой. Именно в этом плане горевание рассматривает Р. Неймейер в своей работе «Реконструкция смысла и переживание утраты». Горе – это экзистенциальный кризис, в ходе которого после трагедии человеку необходимо переосмыслить свое представление о мире и о себе. У Неймейера реконструкция смысла определяется как «реакция на утрату, являющаяся центральным процессом в переживании горя» [Neimeyer: 4].

Теперь героиня продает злополучный дом, где Клод по иронии судьбы не жил ни одного дня. Дом стал для нее символом потери и личной вины, продажа указывает на возможность избавления от тягостных переживаний и движение вперед по жизненному пути. Именно это решение и подтолкнуло героиню изначально к написанию текста. Заметим также, что роман Жиро посвящен ее сыну Тео, что также говорит о стремлении смотреть в будущее, а не в прошлое.

Обращает на себя внимание также, что в последних абзацах романа героиня вспоминает образ Клода, который сохранила в памяти: «Мне приходится сконцентрироваться, чтобы в моей памяти снова возник этот момент, когда я сделала мысленную фотографию, я помню, что сказала себе тогда: на всякий случай (*si jamais*)» [Giraud: 205]. Роман, таким образом,

завершается выражением со словом “*si*”, которое приобретает совсем иной смысл, отменяет логику условного наклонения, утверждая ценность мимолетных мгновений личного счастья в жизни, которая всегда слишком «быстра».

Литература

Фрейд, З. Печаль и меланхолия / Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа / пер. с нем. М.В. Вульфа. СПб.: Алетейя, 1999. С. 211–231.

Макаренко, Н.Н., Наumenко, Н.Н. Проблема аномальной концептуализации в художественном тексте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 3. С. 12–27.

Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Ясперс, К. Введение в философию / пер. с нем. Т.В. Щитцовой. Минск: ПроPILEI, 2000.

Caruth, C. (1996). Unclaimed experience: trauma, narrative, and history. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Felman, Sh., & Laub, D. (1992). Testimony: crises of witnessing in literature, psychoanalysis and history. New York: Taylor & Francis.

Giraud, B. (2022). *Vivre vite*. Paris: Flammarion.

Kotowska, K. (2024). La mécanique freudienne du deuil dans *À présent et Vivre vite*. Cahiers ERTA, 39, 175–190.

Nejadmohammad, V. (2024). De l'autofiction Doubrovskienne dans *Vivre vite*. Revue des Études de la Langue Française, 16 (1), 99–112.

Neimeyer, R.A. (2001). Meaning reconstruction & the experience of loss. Washington: American Psychological Association.

Salama, M.I. (2025). La machine infernale à l'œuvre et dans l'œuvre de Brigitte Giraud "Vivre vite". *Journal of Scientific Research in Arts*, 26 (3), 218–249.

Whitehead, A. (2004). *Trauma fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

References

Caruth, C. (1996). *Unclaimed experience: trauma, narrative, and history*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Felman, Sh., & Laub, D. (1992). *Testimony: crises of witnessing in literature, psychoanalysis and history*. New York: Taylor & Francis.

Freud, S. (1999). Trauer und Melancholie [Mourning and melancholia] In S. Freud, *Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza* [Basic psychological theories in psychoanalysis. An outline of the history of psychoanalysis] (M.V. Vul'f, Trans.). Saint Petersburg: Aleteyya, 211–231.

Giraud, B. (2022). *Vivre vite* [Live fast]. Paris: Flammarion.

Heidegger, M. (1997). *Sein und Zeit* [Being and time]. Moscow: Ad Marginem.

Kotowska, K. (2024). La mécanique freudienne du deuil dans À présent et Vivre vite [The Freud-

ian mechanics of grieving in Now and Live Fast]. *Cahiers ERTA*, 39, 175–190.

Makarenko, N.N., & Naumenko, N.N. (2025). Problema anomal'noj konceptualizacii v hudozhestvennom tekste [The problem of anomalous conceptualization in a fictional text]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series], 3, 12–27.

Nejadmohammad, V. (2024). De l'autofiction Doubrovskienne dans Vivre vite [Doubrovskian autofiction in Vivre vite]. *Revue des Études de la Langue Française*, 16 (1), 99–112.

Neimeyer, R.A. (2001). *Meaning reconstruction & the experience of loss*. Washington: American Psychological Association.

Salama, M.I. (2025). La machine infernale à l'œuvre et dans l'œuvre de Brigitte Giraud "Vivre vite" [The infernal machine at work and within the work of Brigitte Giraud "Live fast"]. *Journal of Scientific Research in Arts*, 26 (3), 218–249.

Whitehead, A. (2004). *Trauma fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Yaspers, K. (2000). *Einführung in die Philosophie* [Introduction to philosophy] (T.V. Shitsova, Trans.). Minsk: Propilei.

Для цитирования: Шуринова, Н.С. Формы conditionnel в нарративной структуре романа Б. Жиро "Vivre Vite" (2022) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т.11 № 1. С. 234–245. DOI: 10.18522/2415-8852-2026-1-234-245

For citation: Shurinova, N. S. (2026). Conditionnel forms in the narrative structure of "Vivre vite" (2022) by Brigitte Giraud. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (1), 234–245. DOI: 10.18522/2415-8852-2026-1-234-245

CONDITIONNEL FORMS IN THE NARRATIVE STRUCTURE OF “VIVRE VITE” BY BRIGITTE GIRAUD (2022)

Natalia S. Shurinova, PhD in Philology, Assistant Professor at Southern Federal University (Rostov, Russia); email: interjectio@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to language play in the autobiographical novel “Vivre vite” (2022) by Brigitte Giraud. One of the key structural elements of the text, which addresses a traumatic event from the distant past, is the play on the forms of the conditionnel, the conditional mood in French. The language play implemented in the novel is examined both as a psychotherapeutic tool and as a means of explicating existential and philosophical aspects related to the experience of painful events. Particular attention is paid to the functioning of the conjunction “si” (“if”) in Giraud’s text. The author makes it the title of the central part of the novel, uses to form the titles of individual chapters and integrates into the textual fabric to realize various playful strategies.

The “Si” section consistently reconstructs the circumstances of the accident that ended the life of the writer’s husband. Here, through the use of the conditional mood, the author reflects on the possible conditions under which the tragedy might have been avoided, while at the same time meticulously restoring the accidental chain of events that led to the incident, emphasizing the irrational nature of existence and the total impossibility of constructing rational forecasts. The reliving of the trauma through the creation of the text allows the novel’s protagonist to pass through a borderline situation, to abandon the search for rational illusions, and ultimately to accept the absurdity of her own life, which is underscored by the rejection of the conditional forms. The conjunction “si”, appearing in different contexts, highlights the protagonist’s movement from a painful obsession with the traumatic experience of the past toward the reconstruction of the meaning of her life and an orientation toward the future.

Key words: trauma, borderline situation, Brigitte Giraud, absurdity, autobiographical novel, narrative structure, textual psychotherapy, grieving, conditionnel

